

ГЛАВА 14

ХЕНДРИК КОНСЬЯНС
HENDRIK CONSCIENCE

(1812–1883)

Хендрик Консьянс — самый значительный фламандский прозаик XIX века, автор сотни романов, в том числе исторических, а также повестей о жизни фламандской деревни, один из самых переводимых писателей во всей нидерландскоязычной литературе. Успех этого великолепного рассказчика и мастера эпического повествования как на родине, так и за границей связан, по-видимому, с искренней тональностью его произведений, понятностью и «правильностью» их морали, красотой описываемых человеческих взаимоотношений. Немецкие переводы Консьянса, сделанные в основном во второй половине XIX в., занимают семьдесят пять томов, французские — пятьдесят, английские — тринадцать. На русский язык в XIX в. было переведено пять его романов и повестей, один из этих переводов, первоначально напечатанный в «Вестнике иностранной литературы» в 1892 г., приводится (с сокращениями) в конце данной главы.

Хендрик Консьянс родился в 1812 г. в Антверпене, в семье французца Пьера Консьянса, попавшего во Фландрию с наполеоновской армией и женившегося здесь на фламандке Корнелии

Балье. В то время Бельгия (как и Нидерланды) еще входила в состав наполеоновской империи. После разгрома Наполеона в битве под Ватерлоо и Венского конгресса 1814–1815 гг. все французы вернулись восояси, однако Пьер Консьянс остался с семьей во Фландрии. У Пьера и Корнелии было восемь детей. После смерти Корнелии в 1820 г. Пьер женился снова в 1826 г. на Анне Катерине Богартс, родившей ему еще девяти детей.

Хендрик с детства отличался слабым здоровьем и первые семь лет своей жизни не выходил на улицу, а сидел в кресле у окна. Мать занимала его, как могла, рассказывая фламандские народные сказки и легенды. Когда же Хендрик достаточно окреп, чтобы играть со сверстниками, он стал пересказывать им услышанное от матери, и все охотно слушали его. Отец научил сына читать и писать и привил ему любовь к природе (черта романтизма): у Пьера Консьянса был сад, за которым он тщательно ухаживал, и Хендрик знал в нем все цветы и растения.

Подростком он посещал частную школу в пригороде Антверпена, давшую ему не слишком много знаний. Благодаря дополнительным урокам и собственной усидчивости он завершил образование. Разумеется, все преподавание велось на французском языке.

Во время Бельгийской революции 1830 г. Хендрик Консьянс добровольно пошел в армию, подписав контракт на два года, но в 1831 г. получил приказ остаться еще на три. Консьянс дослужился сначала до капрала, потом стал сержант-майором, а затем преподавателем в полковом училище. В 1836 г. был уволен в запас. Еще на службе он начал переписку с антверпенскими литераторами. Хотя до того он писал только французские стихи, по возвращении в родной город он стал членом фламандской палаты редерейкеров «Оливковая ветвь», так как чувствовал во фламандском языке особую глубину и экспрессию. В выборе языка Консьянс является как бы зеркальным отражением Шарля де Костера, сына фламандца и франкофонки, который решил писать по-французски, чтобы познакомиться с фламандской народной культурой более широкую читательскую аудиторию.

Благодаря протекции художника Густава Ваппера Консьянс устроился на должность переводчика в администрации провинции Антверпен. Однако из-за политических взглядов (приверженность Фламандскому движению) он вскоре был вынужден оставить эту должность и пойти работать садовником.

*Хендрик Консьянс.
Гравюра Й. Франка*

Дебютным произведением Консьянса на фламандском языке стал роман «В удивительном 1566-м» (*“In het Wonderjaar 1566”*), опубликованный в 1837 г. Это был первый фламандский исторический роман, написанный по образцу сочинений Вальтера Скотта, а также франкоязычных романов об истории Бельгии. Роман Консьянса представлял собой ряд картин из жизни Фландрии в годы иконоборческого движения. За первой книгой в том же году последовала вторая — «Фантазия» (*“Phantazy”*): собрание романтических рассказов о призраках, кладбищах, несмываемых пятнах крови и т. п., привязанных к тем или иным историческим событиям. Источником сюжетов Консьянсу послужили фламандские народные сказания, а литературным образцом — английский готический роман. Так, в рассказе «Божья кара» (1467) повествуется о девушке, изображавшей Святую Деву во время процессии по случаю прибытия в Антверпен Карла Смелого, которую затем похитили, изнасиловали и убили двое венецианцев. Она возвращается с того света в виде призрака, заманивает одного из своих убийц на пустынное кладбище, где целует его — и отправляет своим поцелуем прямо в ад.

Поскольку эти книги не принесли дохода, а только вергли автора в финансовые затруднения, король Леопольд I выделил ему денежное вознаграждение.

Зато третий роман писателя «Лев Фландрии» (*“De Leeuw van Vlaanderen”*), вышедший годом позже, имел ошеломляющий успех и со временем завоевал ни с чем не сравнимую популярность. Благодаря «Льву Фландрии» его автора стали называть человеком, «научившим свой народ читать». До Консьянса литераторы — сторонники Фламандского движения сосредоточивали свои усилия на поэзии, которая хоть и выражала их пылкое стремление к возрождению фламандской культуры в концентрированной и экспрессивной форме, но была по определению малодоступна для широкого читателя. Теперь же зажитательно написанной и легкой для восприятия прозой Консьянса стали зачитываться тысячи и тысячи фламандцев из всех социальных слоев, в особенности во второй половине XIX в., когда в Бельгии возникла сеть общественных библиотек, создаваемых из либеральных или религиозных побуждений. Библиотечные экземпляры книг читались по цепочке десятками и сотнями читателей. Так, секретарь Гентского отделения фламандского культурного фонда «Виллемсфондс»

«Лев Фландрии». Фронтиспис издания 1838 г.

(названного так в честь «отца Фламандского движения» Яна Франса Виллемса) в 1876 г. сообщил, что ни один из четырнадцати экземпляров «Льва Фландрии», имевшихся в его библиотеке, не

стоял на полке невостребованным долее часа. Неудивительно, что эта книга сыграла столь большую роль в развитии Фламандского движения, пробудив у соотечественников Консьянса национальное самосознание: память о славном прошлом фламандского народа и веру в возможность фламандского языка. Да и в наши дни — хотя романтическая риторика романа выглядит сегодня наивной, а герои слишком неправдоподобными, — «Лев Фландрии» продолжает пользоваться популярностью, находя все новых и новых читателей, — с одной стороны, благодаря увлекательной фабуле и ярким описаниям бурных событий, с другой — оттого что он и в XXI в. остается знаменем борьбы за фламандскую идентичность — борьбы, которая, то вспыхивая, то затухая, не прекращается со времени Консьянса. Популярности книги способствует и успех экранизации (1985), сценарий которой был создан крупнейшим бельгийским писателем XX в. Хюго Клаусом.

Тему романа Консьянсу, по-видимому, подсказало увиденное им на выставке в Антверпене батальное полотно Никезе де Кейзера, изображавшее Битву золотых шпор (de Guldensporenslag, 1302). В этом сражении ополчение фламандских горожан нанесло сокрушительный удар французским рыцарям, пытавшимся подчинить себе Фландрию. Найденные на поле сражения пятьсот золотых шпор (откуда позднейшее название битвы) были с триумфом вывешены в церкви Богоматери в Кортрейке. Разрабатывая этот исторический сюжет, Консьянс, как и в предыдущей книге, использует столь любимые им фольклорные образы и религиозные мотивы. Так, во время боя фламандцы свято верят, что Бог на их стороне, так как они борются против зла, и в таинственном «Золотом рыцаре», который появляется в разгар сражения и помогает им одержать победу, сокрушая врага подобно быллинному богатырю, видят воплощение Георгия Победоносца. Это граф Роберт III Бетюнский, прозванный «Львом Фландрии», вырвавшийся из французского плена, чтобы помочь своему народу.

В рассказ об исторических событиях автор впадает, конечно, и любовный сюжет, героями которого выступают красавица Махтельд, дочь Роберта III, и славный рыцарь Адольф.

Написанию романа предшествовали исторические разыскания: Консьянс углубился в чтение старинных фламандских хроник, проштудировал десятки источников, а также консультировался с современниками-историками. Он посетил и само поле сражения,

чтобы лучше представить себе, как происходила битва. Тем не менее Консьянс допустил ряд исторических неточностей, в частности, изобразив Роберта III участником Битвы золотых шпор, хотя на самом деле граф сидел в это время во французской темнице. Впоследствии Консьянс попытался исправить эти промахи в своей «Истории Бельгии» (*“Geschiedenis van België”*, 1845).

После выхода в свет «Льва Фландрии» Густаву Вапперсу, занимавшему важный пост в руководстве Антверпенской академии художеств, удалось добиться того, что Консьянс был назначен на место секретаря его канцелярии.

В 1842 г. Консьянс женился на Марии Пейнен. У них родилось четверо детей, но младшая дочь умерла в детстве, двое сыновей — в молодом возрасте (от тифа), и лишь старшая дочь Мария прожила долгую жизнь.

В этот период жизни Консьянс полюбил загородные пешие прогулки, служившие ему источником сил и вдохновения. С 1845 по 1854 г. он пишет произведения о фламандских крестьянах, в которых идеализируются сельская жизнь в гармонии с природой и простые люди с их искренней верой в Бога и естественной добротой нравов, — «Слепая Роза» (*“De blinde Rosa”*, 1850), «Рикке-Тикке-Так» (*“Rikke-Tikke-Tak”*, 1851). Тем самым Консьянс стал также основоположником «деревенской прозы» во фламандской литературе — жанра, сформировавшегося в эпоху романтизма. К этому жанру принадлежит и знаменитая повесть «Рекрут» (*“De loteling”*, 1850), экранизированная в 1973 г.

Параллельно писатель продолжает много работать и в жанре исторического романа. В 1849 г. выходит его второй по значимости (после «Льва Фландрии») роман «Якоб ван Артевелде» (*“Jacob van Artevelde”*) о знаменитом гражданине города Гента, сыгравшем важную роль в самом начале Столетней войны (1337–1453), которому в Генте, в значительной мере под впечатлением от романа Консьянса, в 1863 г. был поставлен памятник.

В 1854 г. Вапперсу пришлось отказаться от своего поста в Антверпенской художественной академии, и Консьянс тоже вышел в отставку. В 1857 г. его назначили на пост окружного комиссара в Кортрейке, где он прожил до 1868 г., когда ему предложили место хранителя королевских художественных музеев в Брюсселе. Брюссельский период жизни Консьянса ознаменовался выходом в свет его сотой книги — событием, которое праздновала вся страна.

Популярность Консьянса была столь велика, что ему при жизни был установлен памятник у входа в Антверпенскую библиотеку (скульптор Франс Йорис). Открытие памятника было назначено на 13 августа 1883 г. Из-за тяжелой болезни писатель не смог приехать из Брюсселя на торжественную церемонию. 10 сентября он умер и был похоронен в своем родном городе Антверпене. Проститься с Консьянсом пришло бесчисленное множество читателей, была исполнена кантата «Песнь траура и триумфа», специально написанная композитором Петером Бенуа. Позднее на могиле был установлен обелиск с фигурой возлежащего у основания обелиска Фламандского Льва работы того же Франса Йориса.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ:

1. Назовите четыре основные черты романтизма в произведениях Консьянса.
2. С кем из русских писателей его можно сопоставить и по каким признакам?
3. Почему сочинения Консьянса пользовались такой популярностью?
4. Найдите в интернете фотографии памятника Консьянсу в Антверпене и обелиска на его могиле. В каком стиле они выполнены?

ТЕКСТЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ:

РЕКРУТ¹ / DE LOTELLING (1850)

/В повести рассказывается о жизни двух крестьянских семей, обитающих в соседних домах поодаль от деревни. В одном из них живут вдова-мать, старый дед и два сына: старший Яп (Ян) и младший Раишке (в переводе — Павлушка). Во втором — другая вдова с дочерью Триеп (в переводе — Катерина).

В Бельгии того времени набор рекрутов в армию производился по жребью (loten = «тянуть жребий», тот же корень, что и в слове «лотерея»). Тот, кто его вытягивал (loteling), должен был служить в мирное время 5 лет, во время войны — неограниченный срок.

Бедняга Ян вытягивает жребий, горестно прощается с родными и — с неожиданной для самого себя нежностью — с молодой соседкой, после чего уходит следом за остальными новобранцами к месту службы на другом краю страны. Первые три месяца он регулярно посылает домой письма (вместе с Катериной они в детстве учились писать у приходского священника), но потом полгода от него нет вестей. Мать Яна, неграмотная, просит Катерину написать сыну письмо. /

В чудный страдный день Катерина, подпрыгивая, возвратилась домой из деревни; ее лицо, покрытое сладкою улыбкою, выдавало радость и объясняло веселую торопливость. В одной руке она держала два больших листа писчей бумаги. А в другой очиненное перо и стеклянку чернил, подаренную ей причетником.

/После долгих трудов непривычная к перу и бумаге Катерина заканчивает письмо и читает его вслух родным. /

Милый Ян!

Как твоё здоровье? Слава Богу, мы все еще здоровы пока, вол и корова тоже, кроме деда, который болен, — и мы все желаем тебе счастья. Вот уже шесть месяцев прошло, как мы ничего не слышали о тебе. Дай же нам знать, жив ли ты. А все-таки ты неплохо делаешь, что забываешь о нас, так любящих тебя, что мать твой целый день только о тебе и говорит, а по ночам постоянно вижу во сне, что ты несчастлив, и у меня в ушах постоянно раздается, как твой голос зовет Катерина, Катерина; что я от этого даже просыпаюсь. — А вол, бедняжка, постоянно выглядывает из хлева и так жалобно мычит, что чуть не доводит до слез. — А что мы все ничего теперь не знаем о тебе — это для нас большое горе; будь же жалостлив, Ян; а то твоя добрая мать вся иссохнет от этого. А собака, бедная, когда услышит твоё имя, так обрадуется, а потом начнет выть, так что у меня иной раз даже сердце надрывается...

/Катерина идет с письмом в деревню на почту, но по дороге встречает почтальона, который несет им письмо от Яна. Катерина вскрывает конверт и обнаруживает в нем два письма: одно Ян адресовал матери и другим родным, другое — только ей. /

Катерина выскочила на дорогу и вся в радости пустилась бежать обратно домой.

¹ Перевод (без указания имени переводчика) напечатан в журнале «Вестник иностранной литературы», 1892, октябрь. С. 199–229; ноябрь. С. 169–224.

[Письмо Яна к матери она читает вслух:]

Дражайшие родители!

Беру перо в руки, чтобы узнать о состоянии вашего здоровья и ожидаю от вас того же. У меня болят глаза, и я лежу в лазарете. Очень скучно мне, дорогие родители, и меня разбирает страх, потому что очень многие из солдатиков ослепли от той же болезни. <...>

Да скажи матери, чтобы она не очень тосковала, так как все идет к лучшему, и я, если Богу будет угодно, надеюсь выздороветь. Но хуже всего голод, так как в лазарете нас держат на половинной порции, хлеба и мяса нам дают на целый день столько, что мы преспокойно можем зараз проглотить его. Да кроме того дают еще чашечку супу, без соли и перцу; вот и все. Изволь быть сыт этим! Поэтому, дорогие родители. Если можете, пришлите мне чуточку денег. Мы здесь не выходим на воздух и целые дни сидим в темноте и скучаем, так как мы не можем смотреть на свет. Поклоны деду и Катерине, и ее матери и Павлушке, и желаю всем вам доброго здоровья и долгой жизни.

Кабе ван Тистье произвели в капралы. Крысы в казарме прогрызли большую дыру в моем ранце, и мне выдали новый ранец за мой счет, а это стоит семь франков и семьдесят сантимов. А я тут ничем не виноват. Все мой начальник любит меня, особенно же благоволит ко мне сержант, валлонец из Лёйка.

Письмо это писал Карл Ван-ден-Патабург, он тоже лежит в лазарете с большими глазами, но ты можешь не говорить об этом его отцу, так как он почти уже выздоровел. Другие товарищи из нашей деревни еще здоровы пока. А затем, дорогие родители, мы все вместе имеем честь кланяться вам и руками и ногами. Ваш покорный сын.

[Все плачут, испуганные новостью о болезни Яна. Катерина придумывает повод выйти из дома, чтобы прочитать в роще, что же Ян написал ей одной.]

Это письмо писал тоже Карл; но я говорил ему слово за словом, что он должен писать.

Катерина,

Своей матери я не посмел написать этого, потому что это ведь слишком ужасно, что я лишился зрения. Катерина, я ослеп, ослеп на всю жизнь! Оба глаза у меня совсем изошли гноем! Конечно, дело куда как неладное; но что я никогда уже в жизни не увижу больше ни тебя, ни мать, ни деда, ни всех тех, кто любит меня, — это мне не пережить, это я отлично чувствую.

Катерина, с той поры как я ослеп, ты постоянно стоишь у меня перед глазами; и это только и удерживает меня в жизни; но об этом я уже не могу больше думать, да и ты тоже. Ах, милая моя. Ходи же по-прежнему на ярмарки, и не отказывайся от этого ради меня, и пользуйся временем, пока ты молода; ведь если ты из-за меня будешь страдать, тогда я еще скорее слягу в могилу.

Катерина, все это я написал для тебя одной. Чтобы ты понемногу рассказала об этом моей бедной матери. Ради бога, Катерина. Чтобы с ней чего не произошло.

Твой несчастный Ян, верный по гроб.

[Катерина отправляется пешком на поиски Яна и в результате распросов добирается до Венло, где стоит его полк. Но и там найти Яна нелегко, так как офицеры-валлоны не понимают ее вопросов. В конце концов благодаря содействию фламандца-капрала она проникает в лазарет, где лежат ослепшие солдаты, в том числе Ян, который узнает ее по голосу.]

Столпившись полукругом, молча стояли слепые около взволнованной парочки. Они тоже наострили уши и прислушивались, о чем они говорят, ловя по временам некоторые звуки утешения.

Капрал оставался у двери и расхаживал взад и вперед. По временам он заглядывал в палату, желая видеть, не собирается ли уже Катерина уходить. Вдруг он побледнел, и в глазах его можно было прочесть сильный испуг.

Дело в том, что он увидел сержанта, поднимавшегося по лестнице! Не смея ничего сказать, он пропустил его в палату к слепым, а сам пошел за ним с опущенной головою, как преступник, ожидающий себе приговора.

Едва сержант заметил девушку, как разразился целым потоком брани и, наконец, закричал на капрала:

— Ну как ты смел пропустить сюда постороннего? Да еще женщина! Вон отсюда. Немедленно!

Катерина встала и умоляющим голосом сказала разгневанному сержанту:

— Ах, господин полковник, будьте милостивы! Я пришла пешком с другого конца страны, чтобы хотя немного утешить бедняжку, нашего несчастного Яна, а теперь вы прогоняете меня! Да ведь я почти что еще и не говорила с ним ни о чем!

— Да уйдешь ли ты наконец! — закричал сержант, сопровождая эти слова грубою бранью, нагнавшей на девушку сильный страх.

[Выйдя из лазарета в слезах, Катерина встречает жену офицера, которая чувствует девушке и просит своего мужа

помочь ей. На следующий день офицер, похлопотав перед начальством, разрешает Катерине забрать Яна домой.!

Он сказал ей, что получен министерский приказ, которым полковым командирам предоставлено право увольнять слепых солдат на родину в бессрочный отпуск в ожидании, пока последует окончательное увольнение со службы.

/Катерина и Ян отправляются домой. Катерина ведет Яна за руку и сама несет его ранец, так как солдат крайне слаб. В какой-то момент, когда Катерина водой из ручья промывает Яну его гноящиеся глаза, юноше кажется, что правым глазом он видит ее силуэт, молодые люди вне себя от счастья, — но через мгновение снова наступают полная тьма. Вновь оцепенев от горя, не обращая внимания на усталость и сбитые ноги, они продолжают путь.!

Не меньше устала и Катерина; но она все-таки продолжала идти, не говоря ни слова и даже не оглядываясь на солдата. Бедная девушка не решалась заговорить. На сердце у нее не оставалось более и капли утешения: выражение блаженства исчезло, надежды на счастье улетучились. Невыразимая радость чуть-чуть не лишила ее чувств, когда глазам ее представилось прекрасное будущее; но потому-то именно в тысячу раз сильнее чувствовалась теперь горечь разочарования, и, как она ни бодрилась, эта горечь делала ее покорною рабою и нагнала глубокое уныние. Да притом, что она могла сказать, чтобы ободрить друга? Говорить об его глазах и обманывать себя? Этого она не могла делать; это было бы горькою насмешкою над его и ее чувствами. Поэтому она шла молча и еле передвигая ноги, поглощенная крайне печальными размышлениями и почти не отдавая себе отчета в своем состоянии.

После добрых полчаса абсолютного молчания солдат сказал вдруг с глубоким вздохом:

— Катерина, остановись! Я не могу больше идти! <...>

Взяв его за руку, она подвела его спиною к изгороди и заставила его сесть тут. Юноша тяжело опустился в траву и повесил голову.

Позади того места, где находились солдат и его спутница, изгородь была обращена в беседку и перегнута внутрь. В этой беседке сидел господин с книгою в руке. На вид он был очень стар, так как лицо его было глубоко изрезано морщинами, и немногие волосы, подобно венку украшавшие его череп, были белы как снег. Сюртук, застегнутый доверху, и красная орденская ленточка на груди придавали ему вид заслуженного офицера.

Услышав за собою шум, поднятый двумя спутниками, он обернулся и сквозь листья увидел солдата и крестьянскую девушку с ранцем на спине. Сначала это крайне удивило его; но потом он подумал, что это, вероятно, сестра ведет домой своего брата и из любви взяла с его плеч ношу. Тем не менее его удивило такое простое доказательство дружбы и он с сочувствием улыбался, не сводя глаз с отдыхающих путников.

/Сидя у изгороди, Ян теряет сознание, и Катерина бежит в дом за помощью. Оказывается, что хозяин дома, находившийся в беседе, — старый военный врач, который служил хирургом майором при Наполеоне. Вместе со слугой они привели Яна в чувство и повели путников в дом. По дороге...!

...слуга приподнял веки юноше и сказал:

— Да он слеп! Это всегдашняя солдатская болезнь. Мы хорошо знаем эту язву. Взгляните-ка, майор, на левый глаз: мне кажется, он еще не совсем выболел?

Они были уже на пороге дома и вошли в комнату, обставленную прекрасной мебелью. Старик провел слепого на широкое кресло и усадил спиною к свету. Затем промыл его глаза какою-то жидкостью и смазал белой мазью. Покончив с этим делом, он пошел к окнам и опустил шторы, чтобы убавить в комнате свет. Затем, снова подойдя к солдату, он сказал:

— Ну, дружок, открой-ка теперь глаза и попробуй, не можешь ли ты чего теперь разглядеть.

Ян открыл глаза и оставался некоторое время безмолвным, хотя старик и спрашивал его, что он видит. Он как будто искал своими омертвевшими глазами какой-то предмет.

Вдруг из его груди вырвался громкий крик, он встал и пошел с протянутыми вперед руками к девушке, которая вскочила со своего места и, вся в лихорадке, смотрела, как он идет. Она хотела броситься к нему, но слуга удержал ее.

Слепой остановился перед ней и подал ей с неуверенным движением руку, причем сказал дрожащим голосом:

— Катерина, Катерина, я не слеп. Теперь в этом уже нет сомнения! Значит, я увижу еще мать и деда и Павлушку! Ах, я вижу, что на тебе надет красный платок!

Девушка бросилась к нему на шею, произнося какие-то непонятные слова, походившие скорее на причитания, чем на радостные клики.

Но старик оттащил ее от юноши и заставил опять спокойно сидеть на стуле. Затем он привязал больному на глаза зонтик и спросил:

— Ты говоришь, что видел, что у твоей спутницы надет на шею красный платок. Мне это кажется невозможным. Не ошибаешься ли ты?

— Я еще ничего не вижу, кроме серой тени, — отвечал солдат, — но когда я начал слепнуть, я заметил, что красное в темноте кажется гораздо более темным, чем другие цвета. Вот почему я и знаю, что на ней красный платок.

— Я так и думал, — сказал господин. — Теперь будем действовать с предосторожностями.

[Старый врач отправляет Катерину с Яном домой в своем собственном экипаже, и вскоре Ян встречается с родными. Далее следует пространный эпилос.]

В один прекрасный день, когда я в полном одиночестве блуждал по степи, набираясь поэтического вдохновения среди тихой природы, на западном горизонте поднялась непогода.

Неподалеку от того места, где я находился, стояла мыза, совершенно одиноко в степи, но, подобно оазису в пустыне, окруженная зеленеющими полями и цветущими деревьями. Как только дождь начал лить, как второй всемирный потоп, я вошел в ворота мызы и просил позволения укрыться под ее крышей. <...>

Тут был старый-престарый дед, которому будет верных девяносто лет, а пожалуй и еще больше. Рядом с ним сидели две тоже пожилых женщины, немного подалше статный мужчина, у которого один глаз, совершенно безжизненный, как белый шарик, вращался под черной бровью, а другой глаз так и блестел, преисполненный мужества и радости жизни. Подле него сидела молодая женщина с ребенком на коленях, а около нее еще мальчик и девочка семи или восьми лет.

По знаку кривого мужчины все перекрестились и встали. Дед неровными шагами отправился в угол за печку. Другие домочадцы все обратились ко мне, упрашивая меня пока остаться в их доме, так как все еще шел сильный дождь.

Прошло немного времени, и я уже сблизился с этими добрыми людьми и болтал с ними, как давно знакомый друг. Под вечер я поел с ними вкусного ржаного хлеба и выпил кофе. А так как я затем ничего не мог придумать лучше, как прислушиваться к тому, что рассказывали мне кривой и его жена, то лишь на другой день утром оставил мызу.

Все рассказанное вам, дорогие читатели, в этой истории я узнал в тот день в одинокой мызе, которая раньше состояла из двух глиняных мазанок, а теперь превратилась в прекрасный крестьянский двор с четырьмя коровами и двумя лошадьми.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ:

1. Почему эту повесть принято относить к жанру «деревенской повести», хотя большая часть действия происходит не в деревне?
2. Каковы основные темы повести?
3. Звучит ли в ней нота социального протеста?
4. С какими произведениями русской литературы у вас возникли ассоциации и почему?

DE LEEUW VAN VLAANDEREN (1838)

(Voorwoord)

Wanneer men met eenen zucht naer vaderlandschen goem de kronyken doorbladert komt eene aendoening van spyt en schaemte ons treffen, by de overtuiging dat wy onzen Vadersen zoo weinig gelijken. Zy goemden op den naem van Vlaming als op den grootsten ereitel welke hun kon toegevoegd worden, en dankten God dat het Hem liefd had hen op dien heldenbodem te laten geboren worden. — En dit was geene ydele waen, geene overdrevene liefde tot het Vaderland. Die zelfde mannen, die aldus op hunnen naem roemden, hadden denzelven groot en heerlyk voor alle de volken der wereld gemaekt. Zy droegen hunnen zegeryken zwarten Leeuw van Vlaanderen in de vertste streken, — in Palestina, in Griekenland, in Italië, in Afrika: Vlamingen waren het die tot Keizer van Constantinopelen werden verheven, een Vlaming was het (Robrecht van Bethune) welke achtien jaer oud zynde het fransch leger als opperveldheer in Sicilië aanvoerde. — Wee den vyand die zulke mannen op eigen grond dorst aantasten, het was moetelyk de Leeuwenzonen te temmen; — en indien het den vreemden eens gelukte hen te overwinnen, kon hy doch niet lang op de zege roemen, want dan knaegden zy met spyt aen de keten en verstaelden zich den moed by de heugenis hunner voorledene groothed. Dan liep alles te wapen, mannen, vrouwen, kinderen, het werd al in heldenvuer ontstoken en de vryheid weder herwonnen. — Het boek dat wy onzen lezere voorstellen getuigt hunner nationaliteit en onversaegdheid. <...>

De Leeuw van Vlaanderen, welke ik heden mynen inschryveren aanbiedt, is een werk dat meer historisch is dan er voor de schriften van dien aerd vereischt wordt, de aenteekeningen welke onder de bladzyden gevoegd zyn, geven de getuigenissen onzer Kronyken, onder dewelke ik de *Excellentie Cronike*, in de boekzael van Antwerpen berustende, tot richtsnoer heb genomen. De kennis der plaetsen waer de voorvallen gebeuren ben ik aen de inlichtingen myner letterkundige vrienden, den heere Snellaert van Kortryk, Doctor te Gent, en den heere Octave Delepierre, Bibliothecaris te Brugge, verschuldigd.

Men zal aenmerken dat het werk van den heere Auguste Voisin, Bibliothecaris te Gent, my voor de beschryving van den slag der Gulden Sporen van groot nut is geweest, die schryver heeft my met eene goedheid, waer voor ik hem myne dankbaerheid betuig de kaert van den slag bezorgd...

De Schryver

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ:

1. Найдите в интернете информацию о Роберте III Бегюнском (Robrecht van Beshune) и о Битве золотых шпор. Какую историческую неточность допустил Консянс в романе «Лев Фландрии»?
2. Что символизирует образ Фламандского льва? Где можно увидеть его изображение?
3. Каков язык Консянса, какие отличия от современного нидерландского языка вы заметили?
4. Каким стилем написано это Введение? В каких элементах это проявляется?
5. Почему официальный праздник фламандской общины Бельгии отмечается 11 июля?

*И. М. Михайлова,
А. А. Пурин*

ГЛАВА 15

ГИДО ГЕЗЕЛЛЕ GUIDO GEZELLE (1830–1899)

Гидо Гезелле — первый фламандский поэт. Первый в том смысле, что до него лирической поэзии на фламандском языке фактически не существовало. И первый в том смысле, что его лирика — самое значительное явление во фламандской поэзии, оказавшее неоценимое влияние на становление нидерландскоязычной поэзии в целом. В XX веке Фландрия даст миру и других блестящих поэтов — меланхоличного философа-символиста Карела ван де Вустейне (1878–1929), рано умершего виртуоза свободного стиха Паула ван Остайена (1896–1928), мудрого и дерзкого Хуго Клауса (1929–2008), — но Гезелле все равно остается первым, от него идет отсчет, он — эталон.

В извечном фламандском «языковом вопросе» поэт и католический священник Гидо Гезелле выбрал для себя наиболее радикальный путь в сравнении со своими литераторами-современниками. Он не захотел присоединиться к старшим участникам Фламандского движения Яну Франсу Виллемсу (1793–1846), Карелу Лодевейку Ледеганку (1805–1847) и Хендрику Консянсу (1812–1883), уже выработавшим общепонятный вариант фламандского языка, на котором к моменту вступления Гезелле в литературную жизнь уже были созданы значительные произведения. Гезелле находил, что этот язык чересчур ориентирован на язык Нидерландов — верного соседа, отошедшего от истинной веры и обратившегося в протестантизм, а пишущие на нем литераторы слишком воспримчивы к модным романтическим тенденциям, замствованным из-за границы. Считая средневековую фламандскую поэзию, проникну-